

Было раннее утро.

В лунном свете, проникавшем через открытое окно, лимонные волосы Линделя тускло мерцали. Лицо, выглядевшее моложе своих двадцати лет, было тонким и кротким. Понять, что он, подобный прекрасно высеченной статуе, жив, можно было по улыбающимся губам.

Линдель медленно открыл глаза. Дождь, лившийся всю ночь, уже прекратился, и яркое полнолуние освещало мир. Когда он глубоко вдохнул, влажный воздух наполнил грудь Линделя.

Это произошло во время утренней молитвы. Затем далекие раскаты грома пробудили воспоминания из прошлого. Тот день был совершенно особенным во всей двадцатилетней жизни Линделя, и потому, хотя прошло время, он мог вспомнить даже мельчайшие детали.

Грохочущее голубое небо, запах пищи, доносившийся из кухни ресторана, капитан в поношенной шляпе, владелец ресторана с рыжей бородой, и морщинистые руки Ингрانا, гладившие его по голове. Все было живым.

Особенно незабываем был момент, когда он шел с Инграном в храм. Тот крепко держал его за руку, говоря, что это незнакомое место, и нельзя потеряться. Говорил также, что если вдруг останется один, нужно попросить помощи у людей и найти дорогу в храм.

Вспоминая, как отчаянно бежал, боясь отстать от капитана, шагавшего большими шагами, он понял, что Ингран действительно был добрым и ласковым человеком. И теперь, в двадцать лет, он мог с гордостью сказать, что то, что он тогда понял, не было ошибкой.

— Мне повезло.

Линдель тихо пробормотал. Честно говоря, слова "повезло" было недостаточно.

В тот день то, что Ингран посетил храм Дитенто, чтобы навестить своего учителя, и то, что он увидел Линделя, выходящего из храма вместе с капитаном, было случайностью. И то, что Линдель был похож на младшего брата Ингрانا, умершего в детстве, тоже было случайностью.

Но то, что Ингран пришел в ресторан, было его добротой. Узнав, что храмовый приют не может принять Линделя, он решил сам о нем позаботиться. То, что он не сдался и следовал за ними в таверну, пивную и даже в ресторан, было исключительно волей Инграна.

Ингран говорил, что это было провидением бога Джеттаса. Линдель тоже с этим соглашался, но больше был уверен, что это произошло потому, что Ингран был добрым человеком.

— Благодарю вас.

И все же Линдель не забывал возносить благодарственную молитву всем богам мира, которые послали доброго Инграна в то место в тот день. Он по-прежнему не помнил, почему дрейфовал посреди моря, как его зовут на самом деле, где его семья. Но боги дали ему новую семью.

Думая, что судьба такова, Линдель поднялся. Его день начинался рано утром.

День Линделя был размеренным. Еще до восхода солнца он подметал передний двор храма, убирал внутри, пропалывал сорняки на грядке с лекарственными травами на заднем дворе, и только после этого завтракал и совершал богослужение. Утром он изучал доктрину, а днем сортировал лекарственные травы.

Робок из поколения в поколение был владением графа Деллауда, но был настолько отдаленной горной деревушкой, что жителей возле замка господина было меньше четырехсот человек. Маленький храм, расположенный в одной части такого Робока, был одновременно молельней, консультационным центром и лечебницей.

Одной из важнейших работ храма была подготовка различных лекарственных средств для раненых или больных жителей деревни. А Линдель, чонса, который помогал священнику и занимался работой по храму, в основном обрабатывал и сушил лекарственные травы.

Но сегодня все было немного иначе, чем обычно. Убрав храм ранним утром и развесив травы в тени, он стал готовиться к выходу.

Древний замок графа Деллауда уже несколько дней кишел гостями, приехавшими на охотничий турнир. Хотя это называлось охотничьим турниром, на самом деле это было время, когда перед наступлением жаркого лета дворяне и местные влиятельные люди из окрестностей Робока собирались вместе, укрепляя единство за едой и питьем. Благодаря этому в замке господина было много работы, и Линдель помогал уже несколько дней.

Рано утром, прежде чем идти в замок господина, Линдель отправился к Инграну.

— Пришел?

Ингран, сидевший в кресле и постукивавший по коленям, улыбаясь, приветствовал его. В улыбке Ингрانا, которому в этом году исполнилось семьдесят лет, чувствовалась глубина времени, полная мелких морщин.

Ингран, которому было трудно передвигаться из-за артрита, проводил большую часть времени в комнате священника. Комната священника, опрятно обставленная в соответствии с его характером, была также его рабочим кабинетом. На его руках, писавших книгу о траволечении, часто были чернила.

Убедившись, что и сегодня на мизинце правой руки Ингрانا красуется чернильное пятно, Линдель улыбаясь подошел ближе.

— На мизинце снова чернила. Так может появиться пятно, которое не смывается, словно татуировка.

— Тогда хорошо. Не придется мыть. Но что случилось?

— Хотел поздороваться перед тем, как идти в замок господина.

— Так рано?

— Работы-то сколько.

— Ох. Какой трудолюбивый. Не делай так, лучше посиди немного.

Ингран, от которого Линдель ожидал услышать, что не надо сильно стараться, удержал его, и Линдель нашел стул и сел.

— Что случилось?

— Вот, официальное письмо из епархии. Вчера забыл показать. Прочитай.

— ?!

— Теперь ощущаешь реальность?

Линдель взял официальный документ, протянутый Инграном. В документе с четкой печатью епархии было написано, что заявление Линделя о поступлении в духовную семинарию прошло.

Линдель, проживший чонса в храме с пяти лет, постоянно готовился стать священником. Чтобы стать священником в империи, нужно было пройти пятилетний курс обучения в духовной семинарии в Нильре, столице.

Условия поступления в духовную семинарию были довольно простыми. Требовался возраст старше двадцати лет, рекомендательные письма от двух уважаемых священников и дворянина-покровителя, нужно было пройти письменный экзамен и собеседование. К счастью, происхождение не учитывалось, поэтому Линдель, будучи сиротой, тоже мог поступить в семинарию, если пройдет отбор.

Проблема была не в поступлении, а в окончании. Если за пять лет не проходил дальше каждый год, приходилось покинуть семинарию. Ежегодно поступало около пятидесяти человек, но через пять лет рукоположение в священники получали около десяти человек.

Изначально Линдель хотел подготовиться более основательно и затем подавать документы в семинарию. Но время было не на его стороне. Ингран, хоть и был крепок для семидесятилетнего старика, был в возрасте, когда что угодно могло случиться в любой момент. Линдель хотел показать Инграну себя в качестве священника.

Поэтому с прошлой зимы он торопился с подготовкой к поступлению. Линдель исполнилось двадцать этой весной, так что все условия были выполнены.

Будущее было в его руках. Документы прошли, теперь нужно было сдать письменный экзамен и пройти собеседование.

— Ощущаю реальность.

— Тогда почему такое кислое лицо?

— Я?

— Да. Похож на грустного щенка.

Даже на шутливую дерзость Линдель не рассердился. Потому что действительно чувствовал себя грустным, он честно сказал:

— Просто... когда это наконец случилось, чувствую себя как-то так.

— Почему? Боишься провалиться? Что придется ехать в незнакомое место? Ты ведь говорил, что не хочешь отсюда уезжать?

— Дело не в этом.

На самом деле все было правдой. Он боялся не пройти, было головокружительно думать о жизни в незнакомом месте, и не хотелось уезжать отсюда. Но больше всего он боялся разочаровать Ингрانا.

Когда он, сирота, сказал, что хочет стать священником, именно Ингран активно его поддержал. Другие говорили, что это безрассудная амбиция, но только Ингран сказал, что он сможет. Он хотел стать гордостью своего благодетеля, учителя и единственной семьи.

— Я говорил и раньше, но в мире нет ничего, что идет по-моему. Можно потерпеть неудачу, можно заблудиться. Все это опыт и станет основой для дальнейшей жизни. Поэтому не волнуйся. Что будет, если не поступишь в семинарию? Попробуешь снова. Снова провалишься? Попробуй три раза, а если не получится, подумай, что не судьба, и откажись.

— Я еще ни разу не провалился.

— Нужно оставлять возможности открытыми. Иметь твердую цель – это хорошо, но нельзя слишком в ней заикливаться.

На беспощадный совет Линдель мог только улыбнуться. Уважаемый священник Ингран, вместо того чтобы опираться на авторитет бога, делал все возможное для благополучия деревни. Когда возникали споры, он первым выступал посредником, не жалел мудрых и правильных советов и наставлений, а иногда суровым порицанием наставлял жителей.

Линдель тоже восхищался добрым и справедливым отцом Инграном, и потому верил и следовал всему, что он говорил. Но совет о том, что он может не стать священником, вызвал упрямство.

Начало, конечно, было в желании стать гордостью Инграна, но жизнь в храме и жизнь священника ему подходили. Ему нравилось молиться, читать книги, помогать людям, следовать словам бога. Поэтому он хотел стать священником.

— Я обязательно стану священником.

— О, твое упрямство надо признать. Даже если поступишь, не будь слишком уверен. Сколько же красивых девушек на улицах Нильра. Бывает, что парни, учась в семинарии, встречают пару и женятся. Разве ты не можешь влюбиться с первого взгляда в свою судьбоносную половинку?

На легкую шутку Инграна Линдель невольно рассмеялся. Что он влюбится с первого взгляда в красивую девушку – это было невозможно.

— Этого не случится.

— Судьба своенравна. Особенно любовь. Это как весенний ветер. А еще это свирепая буря. Когда влюбишься, твое сердце перестанет быть твоим, и все изменится.

— Отец-священник, кажется, очень хочет, чтобы я влюбился.

Линдель тихонько проворчал в адрес Инграна, который, цитируя даже известные стихи, воспевал любовь. Говорить ему, собирающемуся стать священником, влюбиться – это было уж слишком.